

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Они с трудом спускались по отлогому берегу, и тот, что шел впереди, один раз чуть не упал, споткнувшись с валуна. Они устали и ослабели, и на их лицах лежала печать покорности, рожденной долгими лишениями. Они сгибались под тяжестью тюков, завернутых в одеяла. Тюки держались на ремнях, которые были надеты на плечи и на лоб. Каждый из них нес ружье. Они шли сгорбившись, вытянув шею и не поднимая глаз от земли.

— Хотел бы я иметь сейчас хоть два патрона из тех, что мы припрятали в тайнике, — сказал второй путник.

Его голос звучал ровно и бесстрастно. Он говорил вяло, без всякого воодушевления. Тот, что шел впереди, не удостоил товарища ответом.

Второй путник последовал за первым. Они не сняли обуви, хотя вода была холодная как лед, — такая холодная, что лодыжки у них заломило и ступни сразу онемели. В некоторых местах вода доходила им до колен, и оба они, пошатываясь, нащупывали ногами дно.

Тот, который шел позади, поскользнулся на гладком камне и чуть не упал; огромным усилием удержавшись на ногах, он громко вскрикнул от боли. У него закружилась голова, и он вытянул свободную руку, как будто пытаясь найти опору в воздухе. Восстановив равновесие, он шагнул вперед, но снова зашатался и чуть не упал. Тогда он стал как вкопанный и посмотрел на своего спутника, который шел впереди и ни разу не оглянулся на него.

С минуту он стоял неподвижно, словно борясь с самим собой. Потом крикнул:

— Слушай, Билл, я, кажется вывихнул себе лодыжку.

Билл продолжал перебираться через мутный поток. Он не оглянулся. Второй следил за ним, лицо его по-прежнему ничего не выражало, но глаза стали похожи на глаза раненого оленя.

Билл уже взобрался на противоположный берег и, не оборачиваясь, шел вперед. Второй стоял посреди ручья и следил за ним. Его губы слегка дернулись, и видно было, как над ними дрогнула жесткая рыжая щетина. Он провел по губам кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

В этом крике была мольба сильного человека, попавшего в беду. Но Билл не обернулся. Тот, что остался позади, следил, как он нетвердой походкой, спотыкаясь, неуклюже взбирается вверх по отлогому склону по направлению к неясной линии горизонта, сливающейся с низким холмом. Оставшийся (позади следил за товарищем до тех пор, пока тот не перевалил через гребень и не пропал из виду. Тогда он отвернулся от холма и медленно обвел глазами тот круг вселенной, что остался ему после ухода Билла.

У горизонта тускло тлело солнце, затянутое испарениями и туманами, которые казались плотной массой, без контуров, без очертаний. Человек вынул часы, перенес всю тяжесть тела на одну ногу. Стрелка показывала четыре, был конец июля или начало августа: уже в продолжение недели или двух он не вел счета дням, но знал, что солнце находится приблизительно на северо-западе. Он взглянул на юг и подумал, что где-то там, за этими голыми холмами, лежит Большое Медвежье озеро; что в той же стороне, через канадскую бесплодную равнину, проходит Северный Полярный круг.

Ручей, в котором он стоял, был притоком реки Хоп-пермайн, а та, в свою очередь, текла на север и впадала в залив Коронации и в Северный Ледовитый океан. Он никогда не бывал в этих местах и знал их только по карте Гудзоновской компании.

Его глаза снова обежали тот круг вселенной, который ему остался. Зрелище это было невеселое. Повсюду взгляд его встречал расплывчатую линию горизонта. Кругом тянулись низкие холмы. Ни деревьев, ни кустарника, ни травинки — ничего, кроме огромной страшной пустыни, — и в глазах его появился страх.

— Билл! — прошептал он, и еще раз: — Билл!

Он весь съежился, стоя посреди мутной воды, словно бесконечное пространство вокруг давило на него с неодолимой силой и безжалостно сокрушало своим спокойным величием. Его начало трясти, как в лихорадке. Ружье, выскользнув из рук, с плеском упало в воду. Это заставило его прийти в себя. Он поборол страх, овладел собой и, пошарив в воде руками, нашел ружье. Потом переложил тюк поближе к левому плечу, чтобы на поврежденную ногу приходилось меньше тяжести, и медленно, осторожно двинулся к берегу, вздрагивая от боли при каждом шаге.

Он шел не останавливаясь. С отчаянием, доходящим до безумия, не обращая внимания на боль, он торопился добраться до гребня холма, за которым исчез его товарищ, и вид у него был еще более нелепый и странный, чем у Билла, когда тот, спотыкаясь, взбирался вверх. Но с гребня перед ним открылась безжизненная долина. Он снова вступил в борьбу со страхом, преодолел его, передвинул мешок еще ближе к левому плечу и, прихрамывая, стал спускаться вниз.

Дно долины было болотистое, вода пропитала густой слой мха, точно губку. Она брызгала у него из-под ног при каждом шаге, и влажный мох, отрываясь от подошв, издавал хлюпающий звук. Человек шел от кочки к кочке, по следам своего товарища, то обходя валуны, которые торчали, как островки, среди моря мха, то шагая прямо через них.

Он не сбивался с пути, хоть и шел один. Впереди, по его расчетам, должно было быть маленькое озеро, окаймленное чахлыми карликовыми елями и пихтами. Это место называлось Титчинничили, что на местном языке значит «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадал небольшой ручей с прозрачной, а не мутной, как

молоко, водой. У ручья растет камыш — это ему хорошо запомнилось, — но леса там нет. Он пойдет вверх по течению этого ручья, до его истока, пересечет водораздел и, держа путь на запад, вдоль другого ручья, спустится по берегу до слияния его с рекой Диз, и там, под перевернутым челноком, прикрытый грудой камней, найдет свои запасы. Под челноком спрятаны патроны, рыболовные крючки и лески и небольшая сеть — все приспособления для того, чтобы ловить и убивать живность, добывать себе пищу. Там же есть и мука — правда, немного, кусок копченой грудинки и бобы.

Билл будет ждать его там, и они спустятся в челноке по реке Диз до Большого Медвежьего озера. Потом пересекут озеро, все время держа путь на юг, пока не достигнут реки Макензи. На юг, все время на юг! А зима пустится за ними в погоню, вода будет замерзать у берегов, дни будут становиться все свежее, студенее, а они будут двигаться на юг, к какому-нибудь теплему посту Гудзоновской компании, где растут высокие ветвистые деревья и где еды сколько угодно.

Таковы были мысли человека, с трудом шагавшего вперед. Мозг его работал так же упорно, как и тело, и он заставлял себя думать, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждет у челнока. Он должен был так думать, — иначе не оставалось никакого смысла бороться и надо было бы лечь здесь и умереть.

И в то время как тусклый шар солнца медленно спускался к северо-западу, человек рассчитывал каждый дюйм пути, который они совершат вместе с Биллом, убегая на юг от надвигающейся зимы. И он снова и снова перебирал в уме запасы пищи, спрятанной в тайнике, и запасы пищи на посту Гудзоновской компании. Он ничего не ел уже вторые сутки, а до того уже долгое время не ел досыта. Время от времени он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые. Во рту оставалось твердое и горькое семя. Он знал, что эти ягоды не питательны, но терпеливо жевал их, движимый надеждой, которая сильнее знания и не считается с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги об острый камень, пошатнулся и упал от страшной слабости и переутомления. Он лежал некоторое время неподвижно на боку. Потом стянул с плеч и с головы лямки тюка и с трудом сел. Темнота еще не ступила, и, приглядываясь в сумерках к земле, он стал шарить вокруг себя, разыскивая сухой мох. Собрав целую охапку, он развел костер — тлеющий дымный костер — и поставил вскипятить воду в котелке. Потом развязал тюк и прежде всего сосчитал спички. Их было шестьдесят семь. Для верности пришлось пересчитать три раза. Он поделил спички на несколько частей, завернул в пергамент и спрятал одну пачку в пустой кисет, другую — за подкладку потрепанной шапки, и третью — на грудь, под рубашку. Когда с этим было покончено, его вдруг охватил панический страх; он развернул спички и снова сосчитал. Их была по-прежнему шестьдесят семь. Потом он высушил у огня обувь. Мокасины превратились в мокрые лохмотья? сшитые из одеяла носки местами проносились насквозь, и ноги были стерты до крови. Большая лодыжка воспалилась; он внимательно осмотрел ее: она так распухла, что стала толщиной с колено. Он оторвал длинную полосу от одного из своих двух одеял и крепко перетянул лодыжку. Потом оторвал еще несколько полос и обернул ими ноги, — это должно было заменить носки и мокасины. Выпил горячую, окутанную паром воду, завел часы и лег, завернувшись, в одеяло.

Он спал как убитый. Около полуночи не надолго стемнело, и вскоре опять начало светать. Солнце встало на северо-востоке, вернее — в той стороне забрезжил рассвет, само же солнце было скрыто серыми облаками. В шесть часов путник проснулся, спокойно лежа на спине. Он поднял глаза к серому небу и почувствовал голод.

Приподнявшись на локте, он вдруг услышал громкое фыркание и увидел большого оленя, который с опаской и с любопытством смотрел на него. Олень был совсем близко, в каких-нибудь пятидесяти шагах; человек сразу, представил себе кусок оленины, шипящей на сковороде, и даже ощутил ее вкус. Он машинально схватил незаряженное ружье, прицелился и спустил курок. Олень фыркнул, прынул в сторону и, стуча копытами, понесся по камням.

Путник выругался и отбросил от себя ружье. Приподымаясь с земли, он громко застонал. Это был тяжелый и долгий труд. Его суставы хрустели, двигаясь, как на ржавых шарнирах, — согнуть или разогнуть их стоило каждый раз огромного усилия воли. Когда он, наконец, поднялся на ноги, ему понадобилось еще несколько минут на то, чтобы выпрямиться и принять вертикальное положение, свойственное человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и посмотрел по сторонам. Вокруг ни деревьев, ни кустарника — ничего, кроме серого моря мха, однообразие которого лишь кое-где нарушалось серыми скалами, серыми лужами и серыми ручейками. Небо тоже было серое, Ни солнца, ни даже намека на солнце. Путник не имел ни малейшего представления, где север, и забыл, с какой стороны он пришел сюда прошлой ночью.

Но все же он не сбился с пути. Он знал это. Скоро будет Страна Маленьких Палок. Она лежит где-то налево, недалеко; может быть, как раз за следующим низким холмом.

Он вернулся упаковать свой тюк. Удостоверившись, что все три пакетика со спичками целы, он не стал их пересчитывать, но над туго набитым мешочком из оленьей кожи призадумался. Мешочек был невелик. Его можно было прикрыть ладонями. Но весил он пятнадцать фунтов — столько же, сколько вся остальная поклажа, — и это беспокоило путника. Он отложил мешочек в сторону и занялся другими вещами. Потом остановился, поглядел на туго набитый мешочек из оленьей кожи, быстро поднял его и бросил вызывающий взгляд по сторонам, как будто пустыня хотела отнять у него это сокровище. И когда, наконец, он поднялся на ноги и побрел вперед, навстречу новому дню, мешочек из оленьей кожи, увязанный вместе с другими вещами, лежал у него за спиной.

Путник пошел влево, время от времени нагибаясь за ягодами. Лодыжка у него словно одеревенела, хромота заметно усилилась, но боль в ноге была ничтожна по сравнению с болью в желудке. Муки голода становились все нестерпимее. Они грызли и грызли его, пока он не перестал соображать, куда ему идти, чтобы достигнуть Страны Маленьких Палок. Ягоды не утоляли голода, а их горечь только раздражала язык и нёбо.

Путник спустился в ложбину, где с камней, шумя крыльями, поднялась стая белых куропаток. Они кричали; керр, керр, керр... Он стал бросать в них камнями, но не попал ни в одну. Тогда он положил тюк на землю и начал подкрадываться к ним, словно кошка к воробьям-. Брюки его рвались об острые камни, колени оставляли за собой кровавый след, но муки голода заглушали боль. Он полз по мокрому мху, насквозь промочив одежду, застудив тело, — и ничего этого не замечал, терзаемый голодом. А куропатки то и дело взлетали вверх, и, наконец, их «керр, керр» стало казаться ему насмешкой; он разразился проклятиями и, передразнивая увертливых птиц, громко вторил их крикам.

Один раз он наткнулся на куропатку, которая, должно быть, спала. Он увидел ее лишь тогда, когда она метнулась ему прямо в лицо, выпорхнув из своего каменистого убежища. Как ни внезапно было появление куропатки, все же он успел схватить ее, но не удержал, и в руке у него остались три перышка из хвоста. Следя за полетом, птицы, он чувствовал к ней такую ненависть, как будто она причинила ему страшное зло. Потом вернулся и взвалил на плечи свою поклажу. К полудню он дошел до долины, где дичи было больше. Словно дразня его, мимо, на расстоянии ружейного выстрела, прошло стадо оленей, голов в двадцать. - Его охватило безумное желание погнаться за оленями, - и он был уверен, что сможет догнать их. Потом ему попала лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик этот был страшен; испуганная лисица метнулась в сторону, но куропатки не выпустила.

Уже под вечер путник вышел к берегу молочно-мутного от извести ручья, бегущего сквозь камышовые заросли. Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он вытащил из земли нечто напоминающее луковичку, величиной не больше шляпки драночного гвоздя. Луковица была мягкая, и его зубы вонзились в нее с хрустом. Но волокна оказались очень жесткими. Луковица была пропитана водой, как и ягоды, и лишена всякой питательности. Человек сбросил с плеч свой тюк и на четвереньках пополз к заросли, грызя камыш и чавкая, точно жвачное животное.

Он очень устал и ему хотелось отдохнуть, лечь на землю и уснуть мертвым сном, но голод — именно голод, а не желание дойти до Страны Маленьких Палок — все время гнал его вперед. Он искал лягушек в лужах и копал ногтями землю, отыскивая червей, хотя и знал, что так далеко на севере не водятся ни черви, ни лягушки.

Он тщательно заглядывал в каждую лужу и, наконец, с наступлением сумерек, увидел в одной такой луже рыбку величиной с пескаря. Он погрузил в воду правую руку, но рыбка ускользнула от него. Тогда он принялся ловить ее обеими руками и взбаламутил весь ил на дне. Увлечшись ловлей, он упал и вымок до пояса. Вода так замутилась, что рыбку уже нельзя было разглядеть, и ему пришлось ждать, пока ил осядет на дно.

Путник возобновил поиски и опять замутил воду. Но ему было невтерпех. Он отвязал котелок и принялся вычерпывать воду из лужи. Сначала он вычерпывал яростно, обрызгивая себя с ног до головы и выливая воду так близко, что она опять стекала в лужу. Потом начал действовать более осторожно, стараясь сохранить спокойствие, хотя сердце его колотилось и руки дрожали. Через полчаса лужа была почти осушена. На дне не оставалось и пригоршни воды. Но рыбки не было. Он увидел скрытую расщелину между камнями, через которую она ускользнула в соседнюю, гораздо большую лужу — такую, что ее не удалось бы вычерпать и за сутки. Если б знать об этой расщелине заранее, ее можно было бы заложить камнем, и рыбка не ушла бы от него.

Подумав об этом, он весь съежился и бессильно опустил на мокрую землю. Сначала он заплакал тихо, потом зарыдал, взывая к безжалостной пустыне, которая окружила его кольцом, и долго не мог успокоиться, всхлипывая без слез.

Он разжег костер, согрелся, выпив несколько кружек горячей воды, и устроился на ночлег на камнях, так же как и в прошлую ночь. Перед тем как лечь, он проверил, не промокли ли часы, я завел их. Одежда была влажные и липкие. Лодыжка болезненно пульсировала. Но у него было только одно ощущение — ощущение голода, и ночью ему снились празднества, пиры и еда в самых разнообразных видах.

Путник проснулся продрогшим и совсем больным. Солнца не было. Серые тона земли и неба стали более густыми, глубокими. Дул сырой ветер, и первые хлопья снега выбелили вершины холмов. Пока он разжигал костер и кипятил воду, воздух словно сгустился и побелел. Это пошел снег пополам с дождем, и хлопья были большие и мокрые. Сначала они таяли, прикасаясь к земле, но их падало все больше и больше, и скоро земля покрылась белой пеленой, огонь потух и запас мха отсырел.

Это послужило путнику сигналом к тому, чтобы снова взвалить тюк на спину и снова поплестись вперед, неизвестно куда. Его уже не интересовали больше ни Страна Маленьких Палок, ни Билл, ни тайник под перевернутым челноком у реки Диз, Им повелевало одно желание: «Есть!» Обезумев от голода, он уже не выбирал дороги, стараясь лишь держаться низин. Он брел по мокрому снегу, рвал наощупь водянистые болотные ягоды и выдергивал с корнями камыши. Но эта безвкусная пища не насыщала. Потом ему попала какая-то травка, кислая на вкус, и он съел все, что нашел, но травки было немного, так как она стлалась по земле и ее занесло снегом.

В эту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он заполз под одеяло и заснул беспокойным сном. Снег перешел в холодный дождь. Он часто просыпался и чувствовал, как дождь льет на его обращенное к небу лицо. Наступил день — серый день, без солнца. Дождь перестал. Острота голода исчезла. Путник чувствовал тупую, ноющую боль в желудке, но это не причиняло ему особенных мучений. Мысль его работала лучше, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о тайнике у реки Диз.

Он разорвал на полосы остатки одного из одеял, перевязал сбитые в кровь ноги, сменил повязку на поврежденной лодыжке и приготовился к новому дню пути. Подойдя к своему тюку, он долго глядел на туго набитый мешочек из оленьей кожи, но все-таки собой.

Снег растаял под дождем, и только верхушки белели по-прежнему. Показалось солнце, и делил страны света, хотя теперь он уже знал что заблудился. По всей вероятности, скитания предыдущих дней завели его слишком далеко влево. Теперь он стал держать правее, стараясь снова выйти на правильный путь.

Муки голода притупились, и путник чувствовал, что слабеет. Собирая ягоды и стебли камыша, он часто останавливался и отдыхал. Язык у него пересох, распух и словно покрылся тонкими волосками; во рту был горький вкус. Но больше всего его беспокоило сердце. Не успевал он пройти несколько шагов, как оно начинало свое неумолимое тук-тук-тук, а потом срывалось и мучительно трепетало мелкими частыми ударами, от которых он задыхался и почти терял сознание.

Среди дня он нашел в большой луже двух пескарей. Вычерпать ее было невозможно, но он был теперь спокойнее, и ему удалось поймать их котелком. Они были не длиннее мизинца, но он уже не чувствовал острого голода. Тупая боль в желудке стала еще более тупой слабой. Казалось, что желудок его дремлет. Он съел рыбу сырой, принуждая себя тщательно пережевывать ее. Есть ему не хотелось, и он подчинялся только рассудку, который говорил, что это необходимо.

Вечером он поймал еще трех пескарей и съел двух, оставив третьего на завтрак; Солнце высушило редкие поросли мха, и ему удалось вскипятить воды и согреться. Он прошел в этот день не больше десяти миль, а на следующий день, двигаясь только когда позволяло сердце, не больше пяти. Болей в желудке больше не было. Желудок словно уснул; Теперь путник был в незнакомой ему местности, олени попадались здесь все чаще, а также и волки. Их вой нарушал безмолвие пустыни. Три волка перебежали ему дорогу и тотчас же скрылись.

Еще одна ночь. И наутро, опомнившись наконец, он развязал ремешок, который стягивал туго набитый мешочек. Из мешочка посыпался крупный золотой песок и самородки. Путник разделил золото на две равные части, спрятал одну часть среди камней, завернув ее в кусок одеяла, а другую положил обратно в мешочек. Единственное оставшееся у него одеяло пошло на обмотки для ног. Но с ружьем он не хотел расставаться: ведь там, в тайнике у реки Диз, хранились патроны.

День был туманный, и в этот день голод снова прорснулся. Путник очень ослабел, у него так кружилась голова, что временами он ничего не видел. Теперь он то в дело спотыкался в падал и раз упал прямо на гнездо белой куропатки. Там сидели только что вылупившиеся птенцы — маленькие комочки трепещущей жизни, — каждый на глоток, не больше. Он жадно съел их, запихивая живыми в рот, и они хрустели у него на зубах, точно яичная скорлупа. Куропатка-мать с громкими криками летала вокруг. Он попытался подшибить ее прикладом ружья, но она вовремя увернулась. Тогда он стал бросать в нее камнями и случайным ударом перебил ей крыло. Куропатка, то вспархивая, то волоча раненое крыло по земле, пустилась наутек, но путник не прекращал погони.

Птенцы только раздражили его аппетит. Неуклюже прихрамывая, он швырял в куропатку камнями и хрипло вскрикивал, потом замолкал, терпеливо поднимался на ноги после каждого падения и протирал рукой глаза, борясь с дурнотой. Погоня завела его в болотистую низину, и там он наткнулся на человеческие следы на мохром мху. Это были не его следы — должно быть, следы Билла. Но он ее мог остановиться, потому что куропатка убегала все дальше и. дальше. Сначала надо поймать ее, а потом можно будет вернуться к следам.

Он довел птицу до изнеможения, но и сам изнемог. Она, тяжело дыша, лежала на боку. Он, тоже тяжело дыша, лежал на боку шагах в десяти от нее и не мог к ней подползти. А когда он отдохнул, отдохнула и она и упорхнула от его жадно протянутой руки. Погоня возобновилась. Наступила ночь, и это спасло птицу. Шатаясь от усталости, человек упал яичком и разрезал себе щеку. Тюк по-прежнему был у него за спиной. Он долго лежал неподвижно; потом перевернулся на бок, завел часы и пролежал так до утра.

Еще один туманный день. Половина последнего одеяла пошла на обмотки. Ему не удалось снова набрести на следы Билла. Но он отнесся к этому равнодушно. Голод настойчиво гнал его вперед. Но неужели... неужели Билл тоже заплутался? К полудню ноша стала непосильно тяжелой. Опять он разделил золото, на этот раз попросту высыпав на землю сначала половину, а потом и все остальное, оставив себе только клочок одеяла, котелок и ружье.

Его начали, мучить галлюцинации. Он вдруг вообразил, что у него остался один патрон. Патрон заложен в камеру, он просто не заметил его. И в то же время он твердо знал, что камера пуста. Но галлюцинация не проходила. Несколько часов он боролся с ней, потом осмотрел ружье и убедился, что оно не заряжено. Разочарование было так горько, словно он действительно надеялся найти патрон.

Через полчаса галлюцинации возникли снова. Он боролся с ними, и все же они возвращались; и для того, чтобы разубедить себя, ему снова пришлось осмотреть ружье. По временам его сознание уносилось куда-то далеко, и он продолжал идти, как автомат, а мозг его, словно черви, точили какие-то

мучительные мысли и наполняли причудливые образы. Но это продолжалось недолго, потому что жало голода постоянно напоминало о себе. Раз его внезапно заставило опомниться зрелище, от которого он едва не потерял сознание. Он пошатнулся и закачался, как пьяный, изо всех сил стараясь не упасть. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил собственным глазам, их застилал густой туман, пронизанный блестящими точками света. Он с яростью протер глаза и увидел не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь рассматривал его с враждебным любопытством.

Путник вскинул ружье к плечу и лишь тогда опомнился. Он опустил ружье и выхватил охотничий нож из расшитых бисером ножен. Перед ним было мясо — жизнь. Он провел пальцами по лезвию ножа. Лезвие было острое. Кончик был острый. Он бросится на медведя и убьет его. Но сердце предостерегающе забилося — тук-тук-тук, потом словно подскочило кверху, началась мелкая дробь ударов, голову сдавило точно железным обручем — и сознание заволокло мглой.

На смену отчаянной отваге волнами хлынул страх. Что будет, если медведь нападет на него? Он выпрямился во весь рост, крепко сжал нож и уставился медведю в глаза. Медведь неуклюже двинулся вперед, встал на задние лапы и несмело зарычал. Если бы человек бросился бежать, он погнался бы за ним. Но человек не побежал. Человека охватила отвага отчаяния. Он тоже зарычал, дико, словно зверь, давая волю страху, который неотъемлем от жизни и тесно сплетается с самыми ее корнями.

С угрожающим рычанием медведь отступил, испугавшись этого таинственного существа, которое стояло на двух ногах и ничего не боялось. Но человек не двинулся с места, пока опасность не миновала, а потом задрожал, как в лихорадке, и повалился на мокрый мох.

Овладев собой, он пошел дальше, по-новому опасаясь за свою жизнь. Теперь его страшила не голодная смерть, а смерть насильственная, которая наступит прежде, чем голод убьет в нем последнее стремление сохранить жизнь. Кругом были волки. Со всех сторон в этой безотрадной пустыне слышался их вой, превращавший самый воздух вокруг него в живую угрозу настолько ощутимо, что он невольно поднимал руки, отодвигая ее от себя, точно это были стенки раздуваемой ветром палатки.

Время от времени волки по двое, по трое перебежали ему дорогу. Но они держались поодаль. Их было немного, и к тому же они охотились за оленями, которые не оказывали сопротивления, тогда как от странного двуногого существа можно было ждать, что оно станет кусаться и царапаться.

К вечеру он наткнулся на разбросанные кости: волка, которому удалось настигнуть добычу. Час тому назад это был молоденький олененок, и он весело мычал и резвился, полный жизни. Человек смотрел на кости, обглоданные, гладкие и нежно-розовые оттого, что клетки их еще теплились жизнью. Возможно ли, что к концу этого дня и от него останутся одни кости? Такова жизнь. Суетная и недолгая. Только она и причиняет боль. В смерти нет страдания. Умереть — все равно что уснуть. Смерть означает конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать?

Но этим философствованиям скоро пришел конец. Человек присел на корточки, поднес кость ко рту и начал высасывать из нее остатки жизни, которые еще окрашивали ее в бледнорозовый цвет. Сладкий вкус мяса, тонкий, еле уловимый, как далекое воспоминание, сводил его с ума. Он сжал челюсти и начал грызть. Иногда ломалась кость, иногда — его зубы. Потом он стал разбивать кости камнями, толочь их и проглатывать эту кашу. Удары то и дело приходились по пальцам и он, несмотря на лихорадочную спешку, все-таки удивлялся, что не чувствует особенной боли.

Пришли страшные дни — и дождливые, и снежные. Путник уже не сознавал, когда останавливался на ночлег, когда пускался в путь. Он шел и ночью и днем. Отдыхал там, где падал, а когда угасавшая в нем жизнь вспыхивала и горела чуть ярче, полз вперед. Как разумное существо — он больше не боролся. Гнала его вперед сама жизнь, которая не хотела умирать. Человек не испытывал страданий. Его нервы притупились, онемели, а мозг был полон причудливых видений и сладостных грез.

Он не переставал сосать и жевать раздробленные кости, собранные все до единой и унесенные с собой. Он не поднимался больше на холмы и не переходил ручьев вброд, а бессознательно брел вдоль реки, которая текла по широкой долине. Глаза его не замечали ни реки, ни долины. Перед ним были только видения. Его душа и тело брели вперед бок о бок — и все же порознь: так тонка была нить, которая связывала их.

Он проснулся в полном, сознании, лежа на спине. Сияло солнце, светлое и горячее. Издали доносилось мычание оленят. Он смутно вспомнил дождь, снег и ветер, но не знал, сколько времени трепала его буря — два дня или две недели.

Некоторое время он лежал без движения, и благодетельное солнце изливало на него свои лучи и согревало своим теплом его жалкое тело. «Прекрасный день», — подумал он. Может быть, ему удастся определить, где он находится. С мучительным усилием он перекатился на бок. Внизу медленно текла широкая река. Он не узнал ее. Безучастно он следил за ней глазами, видел, как она изгибается среди обнаженных унылых холмов, еще более обнаженных, унылых и низких, чем те, которые встречались ему до сих пор. Медленно, задумчиво, бесстрастно, почти без всякого интереса проследил он за течением незнакомой реки до самого горизонта и вдруг увидел, что она вливается в светлое, сверкающее море. Но и это не взволновало его. «Удивительно, — подумал он, — что это — мираж или видение?» Скорее — видение, плод болезненной фантазии. И еще более утвердился в этой мысли, увидев корабль, стоявший на якоре посреди сверкающего моря. Он закрыл на минуту глаза, потом снова открыл их. Странно, как оно навязчиво, это видение! Впрочем, что же здесь странного? Ведь он хорошо знал, что в сердце этой страны

нет ни моря, ни кораблей,— так же, как нет патронов в его ружье.

Человек услышал какой-то звук позади — не то хрип, не то кашель. Очень медленно, чувствуя страшную слабость и онемение во всем теле, он перевернулся на другой бок. Вблизи ничего не было видно, но он стал терпеливо ждать. Станные звуки послышались снова, и вот шагах в двадцати от себя он разглядел между двумя зубчатыми камнями серую голову волка. Его уши торчали не так остро, как обычно бывает у волков, глаза были мутные и воспаленные, шея уныло вытянута. Зверь все время щурился на ярком свете. Он, видимо, был болен. Хрипение и кашель не прекращались.

«Вот это по крайней мере настоящее», — подумал человек и снова повернулся на другой бок, чтобы увидеть мир, закрытый от него раньше дымкой видений. Но море по-прежнему сверкало вдали, и корабль был ясно виден. «Может быть, все-таки это тоже настоящее?» Он закрыл глаза, долго думал и, наконец, понял все. Он шел на северо-восток, удаляясь от реки Диз к долине реки Коопермайн. Это сверкающее море — Северный Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее на восток, далеко на восток от устья М акензи, и оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Гудзоновской компании, которую видел когда-то давно, и все теперь стало ему ясно и понятно.

Человек сел и стал думать, что же ему теперь делать. Он проносил до дыр обмотки из одеял, и ноги его превратились в бесформенные куски мяса. Одеял больше не было. Ружье и нож пропали. Шапку он тоже где-то потерял и вместе с ней — спички, засунутые за подкладку. Но спички на груди, завернутые в пергамент и спрятанные в кисет, были целы и сухи. Он посмотрел на часы. Стрелки показывали одиннадцать, часы все еще шли. Очевидно, он время от времени заводил их.

Человек чувствовал полное спокойствие и уверенность в себе. Несмотря на крайнюю слабость, он не ощущал боли. Голода тоже не было. Мысль о еде не привлекала его, и все, что он делал, диктовалось рассудком. Он оторвал обе штанины до колен и обвязал ими ступни. Каким-то образом котелок у него уцелел. Нужно выпить горячей воды, прежде чем начать тяжелый — он это предвидел — путь к кораблю.

Его движения были медленны. Он весь трясся, как паралитик. Решив набрать сухого мха, он убедился, что не может подняться на ноги, и после долгих тщетных стараний пополз на четвереньках. Раз он подобрался совсем близко к больному волку. Тот неохотно попятился, облизывая бока языком. Человек заметил, что язык у волка желтовато-бурый и покрыт шероховатой коркой полузасохшей слизи.

Выпив кружку горячей воды, он почувствовал в себе достаточно силы, чтобы подняться на ноги и даже идти, если только умирающий может ходить. Почти каждую минуту ему приходилось останавливаться и отдыхать. Человек брел слабым, неверным шагом, и таким же слабым, неверным шагом шел по его следам волк; и за ночь, когда тьма скрыла сверкающее море, человек приблизился к берегу не больше чем на четыре мили.

Всю ночь он слышал кашель больного волка и время от времени мычание оленей. Кругом была жизнь, сильная, здоровая жизнь; и он знал, что больной волк бредет по его следу, в надежде, что человек умрет первым.'

Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Волк стоял, понунив голову, с поджатым хвостом, словно жалкий, загнанный пес. Он дрожал на холодном утреннем ветру и уныло оскалил зубы, когда человек заговорил с ним хриплым голосом.

Поднялось яркое солнце; и все утро человек, спотыкаясь и падая, брел по направлению к морю и кораблю. Погода была прекрасная. Стояло короткое бабье лето, обычное в этих широтах. Оно могло продлиться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

Днем он набрел на след. Это был след другого человека, который не шел, а полз на четвереньках. Ему пришло в голову, что, может, тут был его товарищ, но эта мысль не нарушила его тупого безразличия. Любопытства в нем уже не осталось. Всякая способность к восприятию впечатлений покинула его. Он больше не ощущал боли. Желудок и нервы устали. Но жизнь гнала его вперед. Он очень устал, но жизнь в нем не хотела умирать. И потому, что она не хотела умирать, он все ел болотные ягоды и пескаррей, пил горячую воду и настороженно следил за бальным волком.

Он шел по следу другого человека и скоро увидел его конец: несколько свежеебглоданных костей на мокром! мху, испещренном отпечатками волчьих лап. Тут же валялся туго набитый мешочек из оленьей кожи, изгрызанный острыми зубами, — такой же, какой был у него. Он поднял этот мешочек, хотя такая тяжесть была слишком велика для его ослабевших пальцев. Так, значит, Билл до конца не расставался с ним. Ха-ха! Он посмеется над Биллом. Он выживет и. возьмет мешочек с собой на корабль, стоящий посреди сверкающего моря. Его смех звучал хрипло и страшно, словно карканье ворона, и больной волк стал вторить ему заунывным воем. Человек внезапно замолк. Разве можно смеяться над Биллом? Если это — Билл, если эти чистые розовато-белые кости — все, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Ну что ж, Билл бросил товарища, но он не возьмет его золота и не будет сосать его кости. «Билл, наверное, не задумался бы это сделать... если бы вышло по-другому», — размышлял он, ковыляя дальше.

Он подошел к небольшому озерцу и, наклонившись в поисках пескаррей, отдернул назад голову, словно ужаленный. Он увидел в воде свое отражение. Это страшное зрелище пробудило даже его притупившееся сознание.

В озерце плавали три пескарря, но оно было так велико, что нечего было и думать вычерпать воду. После нескольких неудачных попыток поймать рыб котелком, человек отказался от этой мысли. Он боялся,

что от слабости упадет в воду и утонет. И по той же причине не решался пуститься вплавь по реке на одном из бревен, которых было так много на песчаных отмелях.

В этот день человек сократил расстояние между собой и кораблем на три мили. На следующий день — на две, потому что теперь он полз на четвереньках, так же как Билл. К концу пятого дня корабль все еще находился от него на расстоянии семи миль, а он уже не мог сделать даже одной мили в день. Бабье лето все еще держалось, и человек продолжал ползти, по временам теряя сознание, а позади все время кашлял и хрипел больной волк. Колени человека, также как и ступни, кровоточили, и хотя он обертывал их клочьями рубашки, по мху и камням, за ним тянулся красный след. Оглянувшись однажды, он увидел, что волк жадно лижет эти кровавые следы, и отчетливо представил себе, какой его ожидает конец, если только он сам не прикончит волка. И тут началась трагедия — страшная трагедия борьбы за существование. Больной, ползущий на четвереньках человек, больной, ковыляющий за ним волк — два существа, которые волочили свои полумертвые тела по безотрадной пустыне и охотились друг за другом.

Будь это здоровый, сильный волк, — человек смирился бы со своей участью. Но мысль, что он попадет в утробу этого омерзительного существа, почти превратившегося в падаль, была противна ему. В нем еще оставалась брезгливость. Но сознание его снова затуманилось, он снова был во власти галлюцинаций, а светлые промежутки становились все короче и реже.

Он очнулся от обморока, почувствовав, что кто-то прерывисто дышит у него над самым ухом. Волк неловко отпрыгнул назад и упал от слабости. Это было смешно, но человек не рассмеялся. Ему даже не было страшно. Он уже перешагнул через все грани человеческого восприятия.

Его сознание на миг прояснилось, и он собрался с мыслями. До корабля оставалось не больше четырех миль. Протерев глаза, словно застланные пеленой, он совсем отчетливо увидел корабль, и еще он увидел белый парус на лодке, несшейся по сверкающему морю. Но ему не проползти этих четырех миль. Он знал это и не чувствовал волнения. Он знал, что ему не проползти и четверти мили, а все-таки он хотел жить. Умереть после всего, что пришлось вывести, бессмысленно. Судьба требовала от него слишком многого. И, умирая он боролся со смертью. Быть может, это было просто безумие, но, находясь уже в тисках смерти, человек бросал ей вызов и продолжал бороться.

Он закрыл глаза и огромным напряжением воли заставил себя сосредоточиться. Он не хотел поддаваться забвению, которое, словно прилив, заливало все глубины его сознания. Это мертвящее забвение поднималось, как морская волна, и мало-помалу затопляло все его существо. Временами он почти тонул в нем, беспомощно барахтаясь, а потом, побуждаемый какой-то непонятной силой, находил в себе новые обрывки воли и выплывал на поверхность.

Человек неподвижно лежал на спине и слышал, как медленно приближается к нему хриплое дыхание больного волка. Время тянулось бесконечно, но человек не двигался.

Вот дыхание волка уже у самого его уха. Широковатый сухой язык, точно наждачная бумага, оцарапал ему щеку. Он стремительно вытянул обе руки — по крайней мере, хотел вытянуть. Пальцы скрючились, как когти, но схватили воздух. Быстрота и уверенность требуют силы, а у него этой силы не было.

Терпение волка было страшно. Терпение человека было не менее, страшно. Целых полдня он лежал неподвижно, боясь потерять сознание и подстергая каждое движение существа, которое хотело съесть его и которым он сам хотел насытиться.

По временам волны забвения заливали его, и ему снились долгие сны, но и во сне и наяву он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и почувствует прикосновение шершавого языка.

Дыхание волка он так и не услышал, но из забвения его вывело прикосновение шершавого языка к руке. Он выжидал. Волчьи клыки сдавили руку сначала слегка, потом сильнее. Волк из последних сил старался вонзить зубы в мясо, которого он так долго ждал. Но и человек ждал долго, и его пальцы сжали волчью челюсть. И покуда волк бессильно отбивался, а пальцы человека так же бессильно сжимали его челюсть, к волчьей шее протянулась другая рука. Пятью минутами позже человек всей своей тяжестью навалился на волка. Руке человека не доставало силы, но лицо его прижималось к горлу волка, и рот был полон шерсти. Прошло еще полчаса, и человек почувствовал в горле теплую струю. Ощущение было неприятное, словно в желудок ему насильно вливали расплавленный свинец. Потом человек перевернулся на спину и заснул.

На китобойном судне «Бедфорд» находилось несколько членов научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно двигалось к морю. Они не могли определить, что это такое, и, будучи людьми науки, спустили на воду шлюпку и отправились на берег. И взорам их предстало нечто такое, что вряд ли можно было назвать человеком. Это существо ничего не видело, ничего не сознавало. Оно извивалось по земле, словно какой-то чудовищный червь. Его усилия были по большей части безрезультатны, но оно отличалось настойчивостью и подвигалось вперед со скоростью, быть может, каких-нибудь двух десятков шагов в час.

Три недели спустя, лежа на койке китобойного судна «Бедфорд» и обливаясь слезами, человек рассказал о том, кто он такой и что ему пришлось перенести. Он несвязно бормотал о своей матери, о солнечной Калифорнии и обвитом цветами домике среди апельсиновых рощ.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом с членом научной экспедиции и офицерами корабля. Он пожирал глазами расставленные на столе яства, с беспокойством следя, как они исчезают в чужих ртах, и на его лице появлялось глубокое сожаление. Он был в полном рассудке — и все же ненавидел своих соседей по столу. Его преследовал страх, что пищи не хватит. Он расспрашивал повара, юнгу, капитана о

корабельных запасах. Они успокаивали его сотни раз, но он не верил им: и пробирался в трюм, чтобы убедиться собственными глазами.

Заметили, что он толстеет. Фигура его округлялась день ото дня. Ученые качали головой, строили разные предположения. Они ограничили его в еде, но он продолжал пухнуть.

Матросы усмехались,- они-то знали, в чем дело. И когда ученые стали за ним следить, им тоже стало все ясно. Они заметили, что после завтрака он отправлялся на бак и с протянутой рукой, как нищий, подходил к какому-нибудь матросу. Матрос усмехался и давал ему огрызок галеты. Человек жадно хватал его, как скупец золото, и прятал за пазуху. Такие же подачки он получал и от других матросов.

Ученые были тактичны. Они ничего не сказали ему. Но украдкой осмотрели его койку. В ней было полно галет. Матрац был набит галетами. Галеты торчали в каждой щели. Тем не менее человек был в здравом уме. Он принимал меры предосторожности против второй голодовки, вот и все. «Это пройдет», — заявили ученые. И это действительно прошло, еще прежде, чем «Бедфорд» бросил якорь в гавани Сан-Франциско.

1905 г.